

Реформа образования III: предметы стратегического партнерства государства и общества

В прошлом году на конференции я сказал, что необходимо начинать реформу образования-3. Я говорил о том, что реформа образования-1 запустила, прежде всего, общие процессы демократизации учительского сословия и института школы. Реформа образования-2 была призвана запустить процессы приспособления отрасли образования к новым рыночным реалиям. Я говорил о том, что реформа образования-2 в общем и целом назрела к середине 90-х годов, а Александр Попов напомнил мне, что эта тема обсуждалась уже на игре в 1991 году. В 1996-97 гг. она была вчерне прописана авторским коллективом, который отчасти присутствует в этом зале. Однако в то время она не получила развития и в латентном виде просуществовала до создания рабочей группы в Высшей школе экономики и создания Центра стратегических разработок. Эта реформа была реализована в 2000-04 гг., а часть существует в виде пакета проектов и поддерживающих его нормативных документов, систематизированных группой И.Шувалова в администрации президента и Центром стратегических разработок. В 1997 г. я считал реформу, направленную на рынок образовательных услуг и продуктов, в общем целесообразной. Однако, сегодня я исхожу из того, что предложенный пакет проектов частично уже не может реализовываться в том виде, в котором задумывался прежде всего потому, что реформа-2 оказалась результатом внутриотраслевого консенсуса ведомства и экспертов, не обеспечивающего ни выполнение заказа общества, ни тем более шага развития сферы. Более того, сегодня существует совершенно иной комплекс проблем, решение которых задает новый контекст проектирования и реализации новой волны инновационных преобразований внутри сферы или того, что я называю реформой образования-3. К сожалению, основные эксперты и разработчики реформы образования-2 не переходят к осуществлению этих новых задач. И у меня все больше и больше складывается впечатление, что именно они и будут выступать главным тормозом в конструктивном завершении реформы-2 и перехода к реформе-3.

Впервые за много лет в сфере появился представитель социального заказа, нынешний министр образования А. Фурсенко. (собственно это не моя формулировка). Однако представители ведомств спрашивают его обо всем, кроме того, о чем его имеет смысл спрашивать. Они спрашивают его о своих ведомственных проектах, в которых он как раз не ориентируется, и не спрашивают о том, в чем он ориентируется, т.е. в вопросах инновационного развития и формирования государственных требований к рабочим местам и деятельности нового поколения.

В нескольких словах мне придется отметить, чем вызвана необходимость этой новой волны реформы, и с какими проблемами мы сегодня сталкиваемся. Страна продолжает переживать существенный кризис развития, вызванный наложением трех групп процессов: 1). внутреннего структурно-поколенческого перехода, 2). адаптации к глобальным макрорегиональным экономическим культурным вызовам, 3). заката индустриальной эпохи.

Выделим несколько временных горизонтов происходящих изменений. Через 4 года нам предстоит обеспечить конструктивную преемственность власти. В то же время, сложившийся в 2000 году консенсус находится под угрозой, прежде всего следует отметить, что растет уровень бедности. Во многих регионах возникает феномен застойной бедности. Даже при наличии 15 % бедных, вопрос о преемственности власти и необратимости процессов развития, реально может быть поставлен под угрозу. Сформулированная президентом задача удвоения ВВП сама по себе не решает проблемы бедности. В мировой истории нет ни одного примера, когда бы экономический рост не сопровождался сильным, иногда взрывным, ростом социального или имущественного неравенства. Результаты роста всегда присваиваются разными социальными группами непропорционально, как в профессиональном, так и в территориальном разрезе. Даже при наличии специальных фондов задача государственного перераспределения ресурсов в целях поддержки социальной стабильности упирается в отсутствие инфраструктуры социальной работы и обеспечения доступа населения к услугам, а также институтов федеральной региональной политики.

Вместе с тем, можем ли мы рассчитывать на устойчивый экономический рост? Экономический рост за последние несколько лет носил в основном восстановительный характер. Это значит, что в основном загружались имеющиеся мощности, использовался существующий кадровый потенциал, сложившийся за счет падений в 1998 году курса рубля, и закрытый в силу

слабости отечественных торговых систем импортозамещения. Сегодня эти ресурсы в общем и целом исчерпаны. Высокая цена на нефть приводит к укреплению рубля, бурный рост торговых сетей взламывает локальные рынки. Если бы не высокий курс евро, предприятия бы уже в прошлом году столкнулись с проблемой увеличения конкуренции на ряде потребительских рынков. Естественная реакция предприятий – снижение издержек. Единственный понятный способ снижения издержек – сброс избыточной рабочей силы.

Казалось бы частичное перекрытие каналов внешней эмиграции в 2002-03 гг. должно было привести к всасыванию этой избыточной рабочей силы на места, которые в последние годы на российском рынке занимали гастарбайтеры. Однако, это не так. Рабочая сила высвобождается не там, где она нужна, и не та, которую востребует растущий рынок. Внутренняя миграция в необходимых масштабах сдерживается отсутствием рынка труда и обеспечивающих его рынков: жилья, рекрутинга, социальных и образовательных услуг. Еще через несколько лет страна столкнется с проблемой сокращения трудоспособного населения от 1 до 1,5 млн. человек в год. Таким образом в краткосрочный период повышение конкурентоспособности предприятий упирается в политическую проблему сохранения социальных издержек или избавления от них, а в среднесрочный – в проблему качества человеческого капитала.

Выход из сложившегося тупика может быть расширен за счет перераспределения предпринимательского фактора в пространстве и во времени. Движение предпринимательского фактора в пространстве связано с появлением, так называемых, опорных регионов или точек роста, постепенно втягивающих в свою орбиту соседние территории. И 10 и 20 лет назад было естественно предположить, что вероятными полюсами роста станут, прежде всего, города-миллионники, а история последних лет показала, что в стране стали складываться 10-15 регионов, объективно выполняющие роль «локомотивов» роста. Однако, существующая региональная политика сегодня не стимулирует эти процессы, региональные элиты не мотивированы на экономический рост, отсутствует ясная концепция пространственного развития России, в которой были бы указаны возможные точки роста, воплощенные в решение о создании узлов ключевых инфраструктур как в индустриальной, так и в когнитивной эпохе.

Движение предпринимательского фактора во времени уже почти 100 лет опосредуется формированием, так называемых, национальных инновационных систем – инфраструктур, обеспечивающих цикл жизни инновации от креативной стадии до внедрения. Инновационные циклы в подавляющем большинстве случаев оказываются контрциклическими по отношению к периодам роста, тем самым подготавливая переход общества к новым технологическим платформам и к новым социальным, управленческим решениям.

Появление инноваций прежде всего затрагивает привычные способы думать, с помощью различных футуроинститутов заставляет представлять возможность появления нового. Т.о. отсутствие национальной инновационной системы, с одной стороны, и согласованной концепции развития пространства, - с другой, затрудняет развитие предпринимательства как дополнительного фактора подъема и реконструкции хозяйственного и социального комплекса. Предпринимательский потенциал общества оказывается не задействован. Добавим к этому факт социального поражения первой волны предпринимательства, не сумевшей построить социально приемлемых образцов экономического роста и соответствующую социально-культурную иронию.

К вчерашнему разговору на общем заседании, хочу высказать свою точку зрения. Я считаю, что так называемые олигархи очень похожи на тех подростков из описания Б. Эльконина, там что-то связано с онтологической децентрацией. Между бизнесом и государством, с одной стороны, и бизнесом и обществом, - с другой, на сегодняшний день не идет нормального диалога. Более того, Дамоклов меч пересмотра результатов приватизации делает чрезвычайно затруднительным запуск подобного диалога.

Рост социальной дифференциации, исчерпание инструментов защиты внутреннего рынка, вероятный рост численности занятых, прогрессирующая депопуляция населения, иммобильность предпринимательского фактора, отсутствие национальной инновационной системы, концепций пространства развития, потеря площадок диалога между государством, бизнесом и гражданским обществом – все эти факторы ставят под вопрос рост конкурентоспособности национальной экономики. В этой ситуации, контуры которой были ясны уже давно, роль опережающего реформирования образования трудно переоценить. Практически все перечисленные разрывы в развитии имеют проекции в процессы образования, а некоторые из них пуповиной связаны с глубинными тенденциями в этой сфере. Однако реальные изменения сегодня отстают на 5-7 лет не

только от динамики названных мною макропроцессов, но и от уровня осознания проблем в целом в обществе.

Долгое время сфера образования, наряду с энергетикой, оставалась донором процессов рыночного экономического приспособления национального хозяйственного комплекса. Сегодня эти возможности уже исчерпаны, и нужно искать стратегическое решение. Я не буду сейчас останавливаться на характеристиках самой сферы образования, хотя в тексте это занимает у меня три страницы, потому что я много раз об этом говорил. Я хочу указать только на один аспект проблемы. Я считаю, что из трех приоритетов, из трех способов рассмотрения сферы образования, о которых я говорил вчера, меня интересует, прежде всего, второй. Я напомним, что существует три способа рассмотрения сферы образования: 1). рассмотрение его как самостоятельного растущего рынка, 2). рассмотрение его как метасистемы, обеспечивающей капитализацию других рынков и участвующий в формировании цепочек добавленной стоимости, которые иногда в разрезе называют кластерами, 3). рассмотрение сферы как источника формирования капитала. Понимая значимость первого и третьего подхода, в своем докладе я буду обращаться именно ко второму.

С этой точки зрения надо понимать, что основную подготовку люди повсеместно получают не в образовательных учреждениях. По форме современное образовательное учреждение есть воплощение концепции фон Гумбольдта и образовательной реформы, которая проходила в начале и середине 18 века. Эффективность этой организации была в общем и целом исчерпана к началу 20 века. Сегодня закономерно обезлюдивают старшие классы средней школы, более того, наиболее продвинутые ВУЗы к концу 19 – началу 20 века представляли собой инженерно-технический тип устройства. В Советском союзе образование как отрасль оказалось привязанным к системе своих учреждений, а они в свою очередь к территориальной структуре размещения производств. Поэтому совершенно закономерно, что по мере кризиса индустриальной модели в целом и его территориальных закреплений, система образования испытывает на себе все сложности этого системного перехода. С разрушением единой плановой производственной структуры, организации профессионального образования частично превратились в самостоятельные бизнес-единицы, а в целом сформировалась практика продажи дипломов, вместо продажи подготовки. Иллюзия многообразия образовательных услуг на время сняла проблему качества. Вместе с тем, количество профессий растет быстрее, чем их экспертное и учебное обеспечение, отсюда самый низкий уровень подготовки на самых быстроразвивающихся сегментах рынка.

Естественно нарушение процессов социализации и окультурации молодежи. При этом я хочу подчеркнуть, что этот феномен характеризует не только группы застойной бедности, о чем говорят много, но и так называемую элиту. Структура учебных заведений, которые в кавычках можно назвать привилегированными, точно так же не обеспечивает социализации, как и те учебные заведения, которые расположены в тяжелых районах. Именно поэтому в качестве ключевых задач обеспечения информирования я уже несколько лет называю 4 задачи:

1). Изменения в сфере образования нужны только инновационной экономике. Т.о. инновационная переориентация хозяйственной, экономической, экономической и управленческой деятельности в целом является системной предпосылкой востребованности новых технологий и нового содержания обучения и подготовки.

2). Необходимо преодолеть подход к образованию как к отрасли и ведомству и перейти к сферной трактовке, учитывающей через инфраструктуры поле сферной окружности.

3). Образовательные учреждения должны перестать быть единственным инструментом управления, в том числе и финансирования. На его место должны прийти образовательные программы, как направленные на отдельную личность, о чем мы говорили давно, - это индивидуальные образовательные программы, так и на коллективных субъектов (речь идет о корпорациях, территориальных сообществах, профессиях, конфессиях и т.д.).

4). В основу построения новых образовательных программ должно быть положено представление о человеческих компетенциях, прежде всего интеллектуальных, хотя и не только. Моя личная точка зрения заключается в том, что реализация этой задачи в новом содержании образования может быть обеспечена за счет методологизации.

В конце 2003 года, на мой взгляд, в общем и целом были сформированы предпосылки для запуска процесса разработки концепции реформы образования-3. За прошедший год в стране была принята концепция перехода к созданию национальной инновационной системы, включая модули

и сегменты транснациональной кооперации. Реорганизация правительства создает предпосылки для более тонкой и точечной наводки системы государственного управления. (Я вообще считаю, что основная характеристика власти прошедших лет заключается в том, что она неповоротлива, очень медленно реагирует). Поэтому сегодня есть основания для того, чтобы может быть эта реактивность повысилась, а во-вторых, для превращения системы капитализации человеческих ресурсов в действительный, а не мнимый приоритет всей системы государственного управления. И, наконец, ликвидация министерства образования и создание штабной структуры, призванной артикулировать инновационный заказ и спроектировать новую образовательную научно-производственную инфраструктуру, создают слабую надежду на преодоление отраслевой замкнутости.

Однако есть большая вероятность, что в ближайшее время мы завязнем в той социальной структуре отношений, которая сложилась в последние годы. Основные участники процесса, основные роли и позиции, участвующие в выработке социального договора в этой сфере, не готовы к изменениям и не хотят их: ни учителя среднего образования, ни ректоры ВУЗов, ни руководители образования разных уровней, ни, так называемые, попечительские советы и родительские комитеты, ни экспертное сообщество внутри отрасли. Добавим к этому, что руководитель РАН тоже не торопится переходить на рельсы инновационной экономики. Поэтому я не очень понимаю, какие интересы Вы собираетесь согласовывать?!

Т.о. мы можем в точности повторить ситуацию 1995-96 гг., потратить 5 лет на обсуждение проблем, потеряв главное – своевременность осуществления изменений. Как сказал Мао Дзе Дун: «Сказанное правильно, но не во время - ложно». Аналогичная ситуация сложилась в Европе в начале 60-х гг.: косные структуры ВУЗа препятствовали главному – росту мышления. Итогом, как Вы знаете, стала студенческая революция 1968 г. Такой сценарий для нашей ситуации остается возможным. Более того, он является более приемлемым для нашей страны, чем революция под лозунгом «передел рентных отношений». Вместе с тем не стоит сбрасывать со счетов опыт российской реформы образования 19 в. Ускоренно создав прослойку разночинцев, не выстроив при этом адекватную политику на рынке труда, грубее, не обеспечив выпускников ВУЗов соразмерным числом рабочих мест, Россия в начале 20 века сформировала ключевой фактор русской революции: альянс большевиков и новоподготовленных, но безработных инженеров. Именно поэтому речь идет о комплексе действий, учитывающих как сферу образования, так и более широкий контекст культурной политики социально-экономических преобразований.

Что, на мой взгляд, надо делать сегодня? Я уже говорил о том, что надо разделить 3 логики подхода к образованию: 1). образование как растущий рынок, 2). образование как надстройка, обеспечивающая капитализацию других отраслей и сфер деятельности, 3). образование как механизм формирования социального капитала. И это три разных подхода, если хотите, три разные реформы.

Дальнейшие предложения, как я уже говорил, будут отражать второй подход или некоторый его контур. На мой взгляд, переход на двухступенчатую модель профессионального образования представляет естественный шанс реализовать новый подход к разработке магистерских программ. Возникает возможность дифференцировать их по базовому типу деятельности. В данный момент мы склонны различать 3 типа таких деятельности:

1) работа специалиста (в традиционном понимании этого слова – инженерия, медицина, финансы, право, военное дело и т.д.), связанная с реализацией определенной профессиональной нормы

2) управленческая деятельность, прообразом подготовки к которой могут служить программы MBA.

3) Деятельность, связанная с проведением инновационных исследований, как фундаментальных, так и прикладных и креативных работ.

Еще раз я повторяю, как и 5 лет назад, считаю, что без этого ничто другое не сработает. Мы не сможем освоить пространство России, даже транспортом, если у нас не будет новых решений, потому что, если бы это можно было сделать, это бы сделали уже 100 лет назад.

Содержание и формы этих 3 типов программ должны существенно различаться. Необходимо обеспечить уход от практики тотальной государственной стандартизации образования, необходимо обеспечить профессиональные ассоциации или возможность участвовать в разработке новых стандартов наряду с участием государства, экспертов из сферы образования. Аккредитация программ, сертификация выпускников в независимых центрах тестирования – должно стать

реальным инструментом влияния профессионального сообщества на содержание и уровень подготовки. Т.о. должна осуществляться дальнейшая расстановка отраслевых схем администрирования. Индивидуализация образования, переход к открытому образованию требует замены института оценки затрат в образовании в академических часах, который был органичен только лекционно-семинарской модели и который совершенно не подходит для модели так называемых активных методов обучения.

Необходимо заново построить систему зачетных единиц, которая бы обеспечивала институциональную основу для образования мобильности, при этом решать эту задачу, по крайней мере, на уровне концепции, придется в государственном масштабе и на совершенно другой технологической основе. Реализация концепций непрерывного образования взамен индустриальной модели дополнительного образования, позволяет привлечь в образовательную сферу множество внеинституциональных образовательных программ: тренингов, корпоративных университетов, внутрифирменной подготовки, которые гораздо быстрее реагируют на вызовы, чем традиционные институты. Целый ряд новых программ осуществляется именно таким образом, и темп изменения в этой отрасли гораздо выше темпа изменения централизованного пересмотра содержания соответствующих профессиональных программ. Эти преобразования, с моей точки зрения, должны опираться на содержание 20-30 площадок реального взаимодействия 3х субъектов: инновационного образования, нового предпринимательства и прорывных научно-инженерных школ. Такие площадки в качестве опоры естественно будут использовать сеть городов-миллионников и, частично, сеть научно-инновационных центров, созданных еще в советский период. Перед инновационными площадками могут быть поставлены инновационные задачи, в том числе, и совершенно конкретные, вытекающие из видения тех хозяйственных процессов, о которых я говорил выше.

Думаю, что будет происходить процесс укрупнения образовательных корпораций. По всей видимости, произойдет консолидация всех мелких образовательных бизнесов, пройдет волна слияний и поглощений. Возможно, в этом процессе возникнут сетевые учебные заведения, хотя для этого надо существенно корректировать нормативную базу. Думаю, что в этом контексте можно ставить задачу на формирование университетов 5-го поколения, университетов, которые бы соединяли проектирование, исследование и обучение – 3 разных режима. Хотя, честно говоря, образцов такого рода сборки мне не приходилось встречать.

Достаточно бесперспективно сегодня со стороны государства пытаться изменить всю систему сразу, потому основной вопрос, который, на мой взгляд, имело бы смысл обсуждать – это как выработать сегодня механизм стимулирования инновационной активности внутри сферы образования. Я вообще считаю, что ключевая проблема заключается в том, многие, сидящие в этом зале, они органично встроены в сегодняшнюю систему. 10 лет назад у них был порыв и четкое понимание того, что надо менять, сегодня этого нет. Поэтому, если бы нам удалось институционализировать этот инновационный шаг, оценить, как его можно сделать, то все остальное можно было бы подтягивать.

Реализация названных мной направлений может позволить повысить эффективность образовательной структуры и собственно создать предмет переговоров.

Завершая, я хотел бы только добавить ко вчерашнему обсуждению, что предметом диалога является сама эта инфраструктура, ее устройство. По поводу этого можно разговаривать, можно выстраивать разные позиции. Я не услышал вчера разговора об этом, мне показалось, что каждый обсуждал свой предмет, а общего предмета партнерства государства и общества в этой области не было задано.

Я, считая, что, безусловно, инициатива выдвижения проектов создания такой инфраструктуры лежит на общественности, государство может только поддержать какие-то предложения, потому что само по себе является дополнительным надстроечным субъектом.

Дискуссия по докладу.

Аронов А.М.: Я бы хотел вернуться к первому пункту Вашего доклада относительно идеологической составляющей. Видите ли Вы какие-либо экспертные силы, которые могли бы идеологически обеспечить такой инновационный переход?

Щедровицкий П.Г.: На мой взгляд, если экспертное сообщество, которое делало реформу образования-2, будет упорствовать и будет навязывать государству проекты прошлой волны в качестве приоритетных, то произойдет следующее: это экспертное сообщество будет отодвинуто

естественным путем, а вместо них придут люди из бизнеса. Просто придут люди, которые действительно сталкиваются в своей реальной работе с разными проблемами подготовки и вынуждены будут взять на себя функцию экспертов. Это же ровно социальная работа: быть экспертом, значит иметь опыт! Можно сколько угодно обсуждать ЕГЭ, но это не предмет обсуждения на государственном уровне. И сегодня это так. 10 лет назад нужно было действительно демократизировать доступ населения к инфраструктурам. Я думаю, что он и сейчас плохо сделан, но никто в зале, думаю, не будет доказывать мне, что мы решим все проблемы при помощи этого проекта. Это проект десятилетней давности.

Вот мой простой тезис: перестаньте обсуждать проекты 10-летней давности, давайте обсуждать проекты 2005 года. Те, кто будут обсуждать проекты 2005 года, будут экспертами в этой области.

Хасан Б.И.: Есть такой жанр: анализировать, учитывать, фиксировать то, что происходит и, учитывая возможные тенденции, предполагать сценарии. И это я слышу. Вместе с тем, по всем сценариям, за исключением одного, о которых ты говорил, есть риск не успеть. И эти сценарии, судя по интонации, по пафосу, с которым ты говорил, наиболее вероятные. Вопрос: к каким конкретно силам обращен твой текст? Я услышал кое-что про возможные точки, места концентрации и в целом предположения, какие это могут быть силы, но они могут быть конкретизированы. А могут ли конкретизироваться условия, при которых эти силы активизируются, займут соответствующие места и позиции.

Щедровицкий П.Г.: Я не понимаю, о чем Вы спрашиваете. Я утверждаю простую вещь, что уважаемые, любимые мною люди, сидящие в этом зале, собирающие уже 11 год красноярскую конференцию, 11 лет назад были на фронтиле, а сейчас они в далеком арьергарде. И это произошло по доброй воле этих людей, поскольку, с моей точки зрения, не произошла переориентация на открытость. Я об этом говорю несколько лет, и мы с тобой ведем этот разговор несколько лет. С моей точки зрения, это психологическая проблема, она понятна любому человеку, занимающемуся инновацией: каждый человек – инноватор, пока он занимается инновацией, а потом встраивается в то, что создал и перестает быть инноватором, инновационный потенциал исчезает, но инновационная функция исчезнуть не может. Поэтому я утверждаю простую вещь, что сейчас еще можно пока есть возможность подхватить хвост следующего инновационного шага. Я обозначаю его контуры, я предлагаю поучаствовать в нем активнее, а вы меня спрашиваете про какие-то роли, позиции.

Хасан Б.И.: Конечно, а что значит предлагаю? Предлагаю – это призываю, квалифицирую или ставлю диагноз или остаюсь наблюдателем? Вы механизмы видите?

Щедровицкий П.Г.: Есть такой анекдот. В саратовский театр неожиданно прилетает представитель Warner Brothers. А театр бедненький: мышки бегают, актеры получают мизерные зарплаты, подрабатывают под Новый год и другие праздники. Представитель с пятью юристами и съемочной группой говорит одному из актеров: «Вы знаете, мы нашли в Интернете Ваши фотографии и досье». Актер отвечает: «У меня есть сын, он предложил мне сделать сайт для раскрутки». Представитель ему предлагает: «Наш режиссер уже много лет ищет актера на главную роль, и вот он увидел Вас и попросил нас к Вам съездить. Но много денег мы Вам не заплатим, у нас большие налоги. Только 3-3,5 млн. долларов, уж извините. Естественно все проживание и другие расходы мы берем на себя». Актер разомлел и спрашивает: «А съемки когда?». Ему отвечают: «Съемки начинаются 20 декабря». На что он говорит: «О, нет, я не могу, у меня елки». Так и Вы мне третий год рассказываете, что у Вас елки, что все расписано.

Хасан Б.И.: У меня ничего не расписано. Я Вам вопрос задаю, а Вы мне на него не отвечаете. Вы мне сказали «предмет переговоров», и я это слышу. А теперь Вы можете мне ответить: между кем и кем переговоры, и при каких условиях?

Щедровицкий П.Г.: Ответил: между определенным типом предпринимательства, научно-инженерными группами и школами и инновационным образованием. Вот 3 субъекта переговоров, 3 субъекта совместного проектирования. Таких площадок не может быть много по определению, но они являются инкубатором нового типа рабочих мест, которые являются заказом. И если удастся вырастить эти новые рабочие места в пробирке, а, на мой взгляд, это совершенно реально, то появляется то, о чем Вы так много говорите, т.е. заказ. Сверху вниз можно простроить цепочку на любую глубину за счет методологической проработки.

Хасан Б.И.: Совсем коротко. А теперь я спрашиваю про условия перехода от сложившейся ситуации к ...Потому что Вы все время рассказываете, что ситуация такая, а потом она будет другая, если...При каких условиях это будет? Хотя бы в двух словах.

Щедровицкий П.Г.: Вы знаете, я не понимаю, о чем вы меня спрашиваете, потому что если Вы хотите обговорить условия контракта, то это один режим. Если вы обсуждаете институционализацию, то она наступит через 10 лет. И так же, как в прошлый раз, те, кто задумывал волну, окостенеют и войдут в новую структуру. Так бывает всегда.

Хасан Б.И.: А старт такой же, как и был?

Щедровицкий П.Г.: Да, а старт такой же, как и был, когда Вы были помоложе, поактивнее.

Фрумин И.Д.: Правильно ли я понимаю, что на нашей конференции мы несколько лет обсуждаем некоторые общие проблемы, может быть даже концептуальные, но не обсуждаем новых, даже сумасшедших, прорывов, проектов, единственной характеристикой которых стало бы установление связей между образовательным проектом и внешним, даже не заказом, а процессом развития.

Щедровицкий П.Г.: Опять Вы заставляете меня повторять то, что я говорю активно уже два года. Да, Вы сформировали некий закрытый язык, который и не там и не там, т.е. он не про жизнь реальную и не про прорыв, а посередине. Потому он и не нужен ни тем и ни другим. Потому что с теми Вы не разговариваете, т.к. они вам рассказывают про зарплату или еще про что-то. Но 10 лет назад Вы были продвинутые, потому они к Вам и тянулись, это было новое. А сейчас это уже не новое, это какой-то клановый, частный язык.